

Космическая гавань и ее окрестности

Как мы снимали фильм на Байконуре

Текст: Кирилл Плетнер
Фото: Станислав Трунин, Константин Колодяжный,
Вячеслав Красаков, Вячеслав Вдовкин

Тахыл-дак, или Невесту встречаем

«То, что нас примут, – говорит оператор-постановщик Стас, – это факт. Вопрос только – как быстро?»

Наша киногруппа снимает эпизод документального фильма на станции Торетам. Объект режимный, для съемки здесь требуется специальное разрешение. Допуск нам обещали выдать в местном КНБ, но время идет, съемочных дней у нас катастрофически мало, бумаги все нет и, чтобы не терять время, мы снимаем на свой страх и риск.

Торетам – это та самая, когда-то засекреченная, но в то же время знаменитая на весь мир железнодорожная станция. Больше полувека назад рядом с ней началось строительство космодрома Байконур.

Перспектива быть задержанными полицией за незаконную съемку мне не нравится. Мысленно ругаю себя: «Надо прекратить эту авантюру!». Но вслух спрашиваю оператора: «Сможешь снять, как нас будут принимать?». Стас кивает: «Если камеру не разобьют». Вижу, как по щекам, из-под кепки у него течет пот. Плюс 50. Все вокруг залито белым светом. Перрон, здание вокзала, все выгорело на солнце и стало белым, как пересвеченная пленка. Неудивительно – солнце печет так, будто кто-то сверху наставил тебе на голову увеличительное стекло, прямо в макушку и выжигает свои неведомые письмена с садистским удовольствием.

Ничего особенного мы не снимаем. Все просто. Перрон, вокзал в лесах. Тюки, чемоданы, поклажа. Пассажиры...

Вот мужчина в тубетейке. Идет, сгибаясь под тяжестью гигантской сетки, полной дынь. А это пожилая женщина обмахивается железнодорожным билетом как веером, она в платке, в платье в горошек и выглядывающих из-под него шальварах самой веселенькой расцветки. Проковыляла облезлая собака, тяжело дыша, высунув язык и лениво обмахивая себя хвостом.

«Ничего особенного» – и есть содержание нашего фильма. Жизнь города Байконура и его окрестностей. Мы хотим знать – как величие истории отражается в обыденных вещах и простых людях.

НА ФОТО

Вертикализация ракеты

Впрочем, зной такой, что жизни, кажется, никакой нет. Пассажиры в ожидании поезда умудрились все вместе поместиться в узкой полоске тени, падающей от здания вокзала. Все замерли. Движений по минимуму. Ни одного лишнего. Жарко!

Все оживает, когда появляется Тахыл-дак. Название народное, это звукоподражание. Такой звук, говорят, слышат пассажиры этого межобластного поезда, когда его колеса стучат по степи: «Тахыл-дак, тахыл-дак». В нем всего два вагона и локомотив. Я не понимаю, как все эти люди, которые наперегонки устремились к поезду, поместятся в нем. Злые языки говорят: поезд частный – чем больше пассажиров, тем выгоднее хозяину. Тахыл-дак даже можно остановить, оказавшись далеко от станции, в степи – надо просто поднять руку и проголосовать. Посадка на поезд-такси напоминает мне кадры из фильма Ромма «Ленин в октябре», где революционные матросы карабкаются на решетку Зимнего дворца. Впереди всех пожилая женщина в шальварах. Она уже на ступеньках вагона. Края ее платья покрывают тибетейку мужчины с дынями. Я с

почтением отношусь к возрасту, но меня просто восхищает невероятная прыть старушек, когда они штурмом берут сидячие места в общественном транспорте.

От лирических размышлений меня отвлекает вопрос: «Чего снимаем?». Интонации властные и совсем недружелюбные.

Холодею, поворачиваюсь. Так и есть – полицейский. Не знаю, что ему сказать. Боюсь, умствования про отблеск исторического величия прозвучат для служителя правопорядка абстракцией.

От застенков съемочную группу спасает Ержан – наш директор фильма и переводчик с казахского. Он уверенно показывает в сторону поезда: «Невесту встречаем».

Мысленно ему аплодирую: «Молодец, Ержик! Не зря ты учишься в одном из самых престижных театральных вузов Москвы. Нашелся, артист».

На лице полицейского растерянность. Разве можно арестовать парней, которые собираются запечатлеть торжественный миг прибытия невесты?!

Суслик и ракета

Наконец мы добыли документ. В официальной бумаге с гербами и печатями сказано, что подателям сей грамоты можно если не все, то многое. Потому как снимают они документальный фильм с рабочим названием «12 апреля» для показа на Венецианском, Берлинском и Каннском кинофестивалях...

Сегодня вывоз ракеты. По традиции, еще со времен Королева, ровно в семь утра открываются ворота Монтажно-испытательного комплекса. На свет Божий появляется космический корабль. Поезд вывозит ракету медленно и торжественно. Десятки корреспондентов, операторов ведущих новостных агентств мира, караулящие зрелище с рассвета, включают в дело, мешая друг другу, пытаются занять лучшую позицию, выбрать лучший ракурс. Смешивается русская и иностранная речь. Солнце еще не такое свирепое и испепеляюще жгучее, как днем. Ласково прогревает, играя лучами на шлемах полицейских автоматчиков, бликует на стальных боках локомотива, прыгает зайчиком с обтекателей ракеты на стекла очков генерального конструктора, который пешком провожает ракету на стартовый комплекс. Тоже королевская традиция...

Далее поезд с ракетой пребывает на легендарный Гагаринский старт. Начинается вертикализация. Действие изящное и не лишенное эротизма. Так считает моя знакомая журналистка. Сочиняя сюжет для федерального российского канала, она как-то написала: «Когда происходит вертикализация и ракета поднимается – она как будто становится больше, и даже звери приходят на нее посмотреть!». Здесь нет художественного преувеличения. Я своими глазами видел одного такого зверя. Это суслик, его нора находится недалеко от стартовой площадки. Пушистый житель космодрома вышел, встал на задние лапы, застыл на мгновение, принялся, нет ли какого подвоха, осторожно приблизился, покосил глазом на ракету, на всякий случай немного погрыз камеру – убедившись, что штука несъедобная, юркнул обратно в свой домик.

НА ФОТО

Фото сверху: Освещение ракеты. Фото снизу: Космический корабль везут на старт

НА ФОТО

Брошенный дом

Портрет неизвестного

Когда попадаешь в город Байконур, в глаза бросаются брошенные дома. У одних заложены кирпичами окна, другие выглядят так, будто в них попала бомба. Таких домов немного, но они сильно портят общую картину. Последствия девяностых. Перебои с газом, электричеством, продовольствием. Горожане помнят, как готовили еду на улице в котлах, недоедали. Бывали случаи, когда мать, отец и дочь спали, укрывшись одним одеялом, — вместе теплее. Обострился тогда и национальный вопрос. Стало опасно выходить в темное время на улицу. Город умирал. Люди побежали. В один месяц уехало несколько тысяч человек.

Но все же выстоял город, живет, ракеты летают. За счет чего? Может быть, здесь по-прежнему живет дух тех мечтателей со стальной волей, напролом идущих к мечте, в космос. Конструкторов, строителей космодрома и города, испытателей, космонавтов. Тех, кто и сегодня работает на многочисленных уникальных инженерных сооружениях, стартовых комплексах Байконура.

Мы снимаем, как мастер тату бьет на плече клиента профиль Гагарина. Клиента зовут Иван, ему двадцать пять, он инженер федерального космического центра. Иван — типичный представитель поколения, рожденного в городе в середине-конце восьмидесятых. Это хорошо образован-

ные, целеустремленные молодые люди. Дети той научной и военной элиты, собранной в Байконур со всего Союза.

У машинки, с помощью которой наносится рисунок, — тысячи микроскопических иголок. Все они одновременно вонзаются в плоть. Оператор снимает крупно лицо Ивана — на нем мука. Процедура оказывается болезненной.

За происходящим наблюдает первый космонавт. Его фотография открыта на ноутбуке. Гагарин при параде. Белый китель, медали. Но это уже не тот Юра, который только что сделал виток вокруг планеты и вернулся на Землю со своей очаровательной улыбкой. Это Юрий Алексеевич, на кителе погоны полковника, на лбу шрам, он сидит в полоборота, уголки рта немного подняты вверх, но глаза строгие. Такое впечатление, что фотограф зафиксировал миг, когда Гагарин хотел улыбнуться, но передумал. Есть в этом добром лице какая-то тень скепсиса, плохо спрятанное неодобрение всему происходящему.

Так и есть. Наша затея протянуть линию с татуировкой через весь фильм провалилась. Мастер тату запил и пропал. У Вани на плече вместо гордого профиля — непонятный абрис, плохо прорисованный портрет неизвестного. Мне почему-то кажется, что это лицо сильно пьющего человека, автопортрет кольца. Иван в ярости колотит в железную дверь татусалона: «Я ему морду набью». За дверью тишина, а телефон холодно сообщает: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Щель

Мы сидим в тени старого карагача в кафе с неромантичным названием «Щель». Крупная официантка, с небольшими аккуратными усиками над верхней губой не очень приветлива, не особенно торопится и плохо понимает по-русски. На просьбу не делать салат таким острым, как в прошлый раз, она перчит его еще острее. Под неустойчивую ножку пластмассового стола, чтобы он не покачивался на щербатом асфальте, приходится подложить сложенный из бумаги квадрат. Но это не раздражает. Хорошего больше: плов — объединение, шашлык из печени — то, что доктор прописал. Пиво холодное, где они его берут, такое вкусное? А цена?! В Москве за такие деньги — не то, что поесть — хорошо, если чая выпьешь.

Но главное — атмосфера. Какая-то домашняя, что ли. На ум приходит слово «Чайхана». Но не современный новодел мегаполиса, а чайхана из старых пыльных книг про Азию, Хаджу Насреддина. За столом вся наша съёмочная группа, мы ужинаем, через час погрузимся в газель и поедем в степь к чабану, который живет на трассе полета.

Двум мужикам за соседним столом меняют уже второй графин с водкой. Они оживленно о чем-то говорят. О чем — не слышно, слова заглушает шум воды, рядом небольшой фонтанчик, имитирующий арык. Тот мужик, который постарше, что-то растолковывает младшему, чертит на салфетке. Старший уже так пьян, что вот-вот свалится со стула. Мне интересно, что может волновать двух мужчин, выпивших по бутылке водки на брата. Я встаю, прохожу мимо, заглядываю в салфетку. Так и думал. Это она — ракета. Через три дня старт.

НА ФОТО

Фото сверху: Байконур. Съёмочная группа в музее космонавтики. Фото снизу: Архитектурный комплекс, посвященный мыслителю, философу, сказителю (VII – X вв.), основоположнику казахской музыки Коркыт-Ата

НА ФОТО

Рассвет. Перед вывозом ракеты. Полицейские. Фото снизу: Байконур. Сероводородный источник в городском парке

Чабан

Чабан приехал, пока мы еще спали. Он верхом на лошади. На нем теплая куртка защитного цвета, штаны в прорехах, они выгорели на солнце и давно потеряли цвет и форму. Венчает наряд шляпа с широкими полями, на манер ковбойской.

Кочевник на коне, в руках мобильный, он с удовольствием рассказывает кому-то: «Я в кино снимаюсь!». «Да-да, – смеется он, – специально приехали, чтобы меня снимать».

Камера фиксирует жизнь кочевья, скот, юрту, хозяйство. Потом мы берем интервью. Пока чабан рассказывает про свою нехитрую пастушью жизнь, жена кипит на дровах самовар, угощает нас чаем, кислым молоком, хлебом, всем, что есть в юрте.

Кочевье находится на трассе полета космического корабля. Накануне старта сюда прилетает самолет, чтобы предупредить чабана. Пастух должен откочевать со всем своим скотом: баранами, коровами, верблюдами на десять километров в сторону от трассы ракеты.

Чабан машет рукой: «Никуда мы не ездим. Русские люди умные, они все рассчитали, здесь ничего не упадет». Пролетающие ракеты для него стали обыденностью, частью природы. Они так же естественны, как птицы, пролетающие над его юртой.

Улыбка не сходит с его лица на протяжении всего разговора. Даже когда он рассказывает, как однажды ночью его избили отморозки, ворующие кабель с космодрома, как этой зимой украли баранов.

Я смотрю на его загорелое, доброе лицо, умные глаза. Думаю, что этот человек необыкновенно красив. Все в нем какое-то настоящее. Спрашиваю, счастлив ли он. Чабан становится серьезным: «Да, – говорит, – я счастлив. Мне полтинник. Здоровье хорошее. Дети отучились. Все ради них. Захотят – приедут. Мясо, молоко есть. Всем обеспечу».

НА ФОТО

Чабан Фото снизу: Съёмочная группа в юрте у пастухов

Пуп земли

Пока выехали, наступила ночь. Кочевье чабана отмечено точкой на навигаторе в шестидесяти километрах от стартовой площадки. Нам велено через каждые три часа выходить на связь с Федеральным космическим центром. В степи может всякое случиться. Редкий случай, когда приятно осознавать, что большой брат следит за тобой. Дороги никакой нет. Несколько раз теряем ориентир и начинаем кружить по степи. На кочках подкидывает, будто не на автомобиле едешь, а скачешь на плохо обьеженном скакуне. Два раза крепко ударившись головой о крышу, не выпускаю ручку над головой, чтобы не сломать шею.

Часа через три водитель останавливает машину посреди степи. Навигатор показывает: до юрты примерно километр. Водитель – он же наш проводник – ехать сейчас в кочевье не советует. Можно нарваться на пулю из ружья чабана, или волкодавы порвут. В степи не любят ночных гостей. Слишком много лихих людей появилось в последнее время. Переночевать решаем в степи, а утром отправимся в гости к пастухам. В машине всем места не хватает. Кому-то придется спать под открытым небом. Наслышан об опасных

насекомых, которые в изобилии водятся в казахской степи, спрашиваю водителя: «Скорпионы здесь есть?». Он радостно кивает: «Есть!». Я продолжаю интересоваться: «А каракурты?». «Есть», – еще веселей соглашается он. «А тарантулы?» – не унимаюсь я. Водителя что-то очень смешит. Либо я сам, либо мои вопросы, либо присутствие в большом количестве здесь ядовитых тварей. Он смеется в голос: «Все есть! Все!».

Я заправляю джинсы в носки, застегиваюсь на все пуговицы, встряхиваю на всякий случай спальник, укладываюсь, ложусь на спину и замираю от восторга. Такого красивого неба как здесь, таких ярких звезд, я не видел нигде. Кажется, до них можно дотянуться рукой. Боже, какими словами можно описать это невероятное сияние мириад драгоценных камней? Этот застывший небесный салют. Разве запеть, как тысячу лет назад запел дервиш, поэт и музыкант Коркыт Ата. В поисках земли обетованной, земли, где люди не умирают, а живут вечно, этот мудрец, почитаемый во всей Средней Азии, пришел сюда, в Приаралье на берега Сырдарьи. Увидев это небо, эти звезды, он выдолбил из можжевельника кобыз, натянул на него струны из конского волоса и запел о том, что нашел пуп земли, место, где земля соединяется с небом, где ближе всего к звездам.

НА ФОТО

Верблюды в степи

Колесо Сансары

Когда подлетаешь к Байконуру на самолете, видишь стартовые площадки, реку, женственно огибающую город. Сырдарья сверху – нежного цвета кофе с молоком. Река широкая, течение быстрое, в ней часто тонут. Поэтому местные не любят в ней купаться, предпочитая плескаться в сероводородном источнике, который установлен на берегу, в городском парке. Говорят, есть в этой коварной реке второе дно. Провалишься – уже не выплыть.

Наш директор Ержан рассказывает, как тонул в ней: «Чувствую – амба, сил нет, наглотался воды, в глазах темно. Но сквозь меркнувшее сознание – вдруг вспышки. Лицо матери... Голос девушки... Она радуется. Я однажды весной накопил в степи тюльпанов и привез ей, целую подводу... В общем, рванул! Откуда только силы взялись?».

Я стою на берегу, размышляю. Сырдарья – граница между городом и степью, разделяет два мира. С одной стороны город Байконур, в нем живут люди, овладевшие самыми передовыми технологиями. На другом берегу, в степи – время будто остановилось. Тысячу лет здесь пасут свой скот пастухи, верные своему кочевому, почти первобытному укладу жизни. Аккомпанементом моим мыслям – скрип

металла. Это городское колесо обозрения. Несколько лет назад оно сломалось и с тех пор не работает, проржавело, поскрипывает на ветру. Ночью, освещенное лампочками, оно отражается в реке и становится огненно-красным. Чем тебе не огненное колесо Сансары, символизирующее вечный круговорот рождения и смерти?

Полвека назад сюда пришли люди, отвоевали у степи землю, построили первый в мире космодром, рядом разбили сады, построили дома. Но степь коварна и злопамятна, ничего не забывает и ничего не хочет отдавать даром. И как только началась смута, растерянность, вместо дерзновенных идей покорения космоса людей захватила жажда обогащения, степь опять проникла в город, стала разрушать дома, заносить город песком.

Минор развеивается, когда я оказываюсь на смотровой площадке и вижу старт космического корабля – звук взрыва бомбы, становится светло как днем, ракета взмывает ввысь.

Но все это на втором плане. На первом оператор подловил момент, как режиссер фильма Костя целует свою девушку. От нее исходит сияние не меньше, чем секунду назад от взлетевшей ракеты. И в этом нет ничего сверхъестественного. Ведь Костя только что сделал Ире предложение на фоне улетающего в космос корабля. Вот это я понимаю – режиссура!

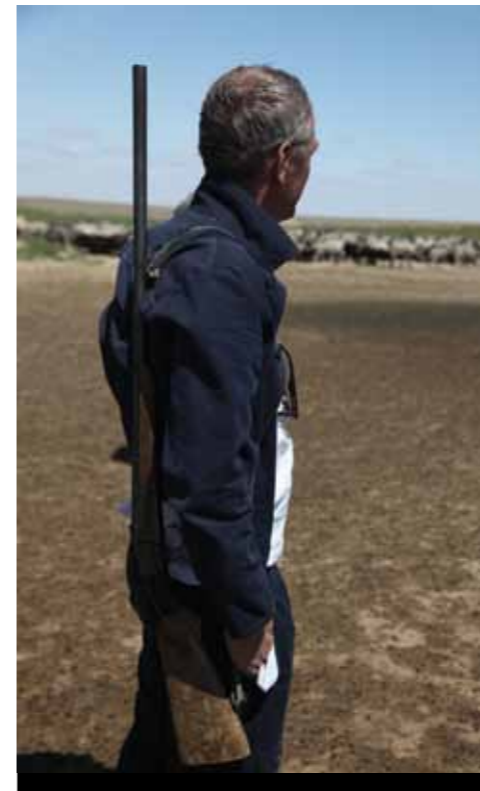

Фото справа: Пастухи

Фото снизу: Сырдарья на рассвете

НА ФОТО

Степь. Съёмочная группа фильма. Слева направо: звукорежиссер Влад Моисеев, оператор-постановщик Станислав Трунин, директор и переводчик Ержан Кулумбетов, режиссеры Константин Колодяжный и Кирилл Плетнер.

THE SPIRIT OF THE SPACE HARBOR: HOW WE MADE A MOVIE AT THE BAIKONUR SPACEPORT

author: Kirill Pletner

The Wheel of Samsara

While approaching the Baikonur by plane you see the launch sites for the space shuttles and the river Syrdarya rounding the city. The water of the Syrdarya River looks like coffee and milk - it is torrential and people often drown there. They even say that this river has two bottoms and if someone falls down he never get out from the river. That is why local inhabitants prefer swimming in sulfur water spring located near City Park.

Our director Yerzhan tells us how he was drowning: «I felt weakness and water in my lungs, emptiness has darkened my eyes. But through the fading consciousness it suddenly flashed: Mother's face... girl's voice ... She is happy. Once I torn a spring tulips in the desert and brought her... And after these scenes I've got out from the water. Where only power come from?»

...I'm standing on the shore, and meditate. Sydarya separates two worlds - it is the border between the city and the wilderness. On one side is the Baikonur city where people mastering the most advanced technologies. On the other side, in the desert, the time seems to stop. For thousand years shepherds are graze their cattle and they still betrayed to their nomadic spirit with almost primitive way of life. My thoughts are accompanied with the sound of creaking metal – it is a Big Wheel. A few years ago it was broken and since then does not work – rusted and creaking in the wind. At night this Wheel turns red because of optical effect (reflection from the lighted lamps). And now it remains the Wheel of Samsara which is symbolizing the eternal cycle of birth and death.

Fifty years ago people came to the place where now Baikonur stands. They have wrested the steppe land, built the world's first spaceport. They have planted gardens and built homes around the spaceport. But once a turmoil and confusion came to this region the steppe again entered the city and destroyed homes, covering some of them with sand.

When I stay at the view point and observe the launch of the space shuttle everything becomes as bright as at a daytime and the shuttle shoots skyward. But all this views are nothing in comparison with the moment which our camera-man has caught up. He caught a moment when our director Kostya kisses his girlfriend and she shines even more than the shuttle trace in the sky. And we know that Kostya just proposed her a marriage!

